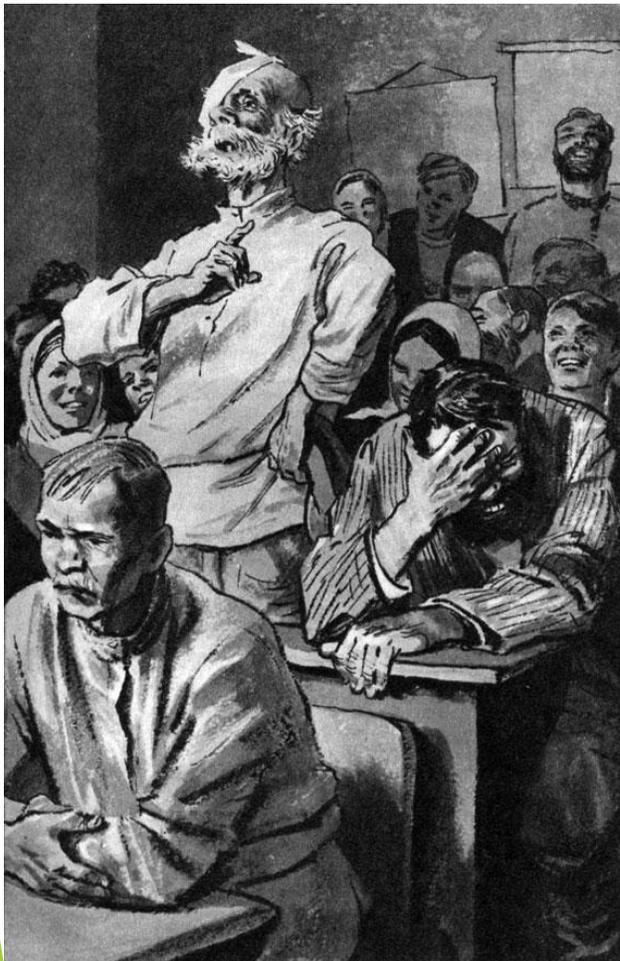

МИХ. ШОЛОХОВ

ПОДНЯТАЯ
ЦЕЛИНА

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1952

... Потом уже за Молчуна объяснился дед Щукарь:

- Он у нас в хуторе, товарищ Давыдов, Молчуном прозывается. Всю жизнь молчит, гутарит в крайностях, через это его и жена бросила. Казак он неглупой, а вроде дурачка, али, нежнее сказать, как бы с придурью, что ли, али бы вроде мешком из-под угла вдаренный. Мальчонком был, я его, помню, сопливый такой и никудышный, без порток бегал, и никаких талантов за ним не замечалось, а зараз вот вырос и молчит. Его при старом прижиме тубянской батюшка даже причастия за это лишал. На исповеди накрыл его черным платком, спрашивает (в великий пост было дело, на семь, никак, неделе): «Воруешь, чадо?» Молчит. «Блудом действуешь?» Опять молчит. «Табак куришь? Прелюбы сотворяешь с бабами?» Обрато молчит. Ему бы, дураку, сказать, мол: «Грешен, батюшка!» - и сей момент было бы отпущение грехов...

- Да заткнись ты! - голос сзади и смех.

- ...Зараз, в один секунд кончаю! Ну, а он толечко сопит и глаза лупит, как баран на новые ворота. Батюшка в отчаянность пришел, в испуг вдарился, питрахиль на нем дрожит, а все-таки спрашивает: «Может, ты когда жену чужую желал, или ближнего осла его, или протчего скота его?» Ну, и разное другое по Евангелию... Демид опять же молчит. Да и что же можно ему сказать? Ну, жену чью бы он ни пожелал, все одно этого дела не было бы: никакая, самая последняя, ему не...

- Кончай, дед! К делу не относящийся твой рассказ, - сурово приказал Давыдов.

- Он зараз отнесется, вот-вот подойдет к делу. Это толечки приступ. Ишо один секунд! Перебили... Ах, едрить твою за кочан! Забыл, об чем речь-то шла!.. Дай бог памяти... Т-твою!.. с такой памятью! Вспомнил! - Дед Щукарь хлопнул себя по плечи, посыпал очередями, как из пулемета: - Так вот, насчет чужой женки Демидовы дела табак были, а осла чего ему желать или протчую святую скотиняку? Он, может, и пожелал бы, пребывая в хозяйстве безлошадным, да они у нас не водятся, и он их сроду не видал. А спрошу я вас, дорогие граждане, откель у нас ослы? Спокон веку их тут не было! Тигра там или осел, то ж самое верблюд...

- Ты замолчишь ноне? - спросил Нагульнов. - Зараз выведу из хаты.

- Ты, Макарушка, на Первое мая об мировой революции с полден до закату солнца в школе говорил. Скушно говорил, слов нет, то же да одно же толлок. Я потихонечку на лавке свернулся калачом, уснул, а перебивать тебя не решился, а вот ты перебиваешь...

- Нехай кончает дед. Время у нас терпит, - сказал Размётнов, шибко любивший шутку и веселый рассказ.

- Может, через это он и смолчал, никому ничего не известно. Поп тут диву дался. Лезет головой к Демиду под платок, пытается: «Да ты не немой?» Демид тут говорит ему: «Нету, мол, надоел ты мне!» Поп тут осерчал, слов нет, ажник зеленый с лица стал, как зашипит потихоньку, чтоб ближние старухи не слышали: «Так чего же ты, тудыт твою, молчишь, как столб?» Да ка-а-ак дюбнет Демида промеж глаз малым подсвечником!

Хохот покрывается рокочущим басом Демида:

- Брешешь! Не вдарил.

- Неужели не вдарил? - страшно удивился дед Щукарь. - Ну, все одно, хотел небось вдарить... Тут он его и причастия лишил. Что же, граждане, Демид молчит, а мы будем гутарить, нас это не касаемо. Хучь оно хорошее слово, как мое, и серебро, а молчание - золото.

- Ты бы все свое серебро-то на золото променял! Другим бы спокойнее было... - посоветовал Нагульнов.